

Что? — Юэ Инъян разинул рот, чувствуя, что только что услышал самую нелепую шутку в своей жизни.

Я сказал, отмени завтрашнюю свадьбу. — Император произнес это так буднично, словно речь шла о погоде — будто завтра с неба вместо дождя повалят ножи.

Это невозможно, завтрашняя свадьба состоится во что бы то ни стало. — Хотя Юэ Инъян и не рассчитывал на благословение Императора, он никак не ожидал от него столь дерзкого требования.

Не позволю! Без Моего соизволения тебе не видать свадьбы! — Император, не торопясь, подошел к креслу и сел, всем своим видом показывая, что его слова обсуждению не подлежат. Впрочем, он сам на мгновение замер, осознав, что только что проговорился, назвавшись императорским Мною.

А-а-а... — Хун Яо, стоявшая всё это время в стороне, затаив дыхание, от этого Мною поняла: этот донельзя заносчивый юноша — не кто иной, как сам Сын Неба! Девушка невольно вскрикнула.

Ваше Величество... Ах, зачем же вы так усложняете мне жизнь? — неужели он выжил из ума? Использовал императорское местоимение! И хотя Хун Яо не представляла для него угрозы, не было нужды настолько всё запутывать. У Юэ Инъяна от всего этого разболелась голова.

Ты решил жениться, скрываясь от Меня, и неужели ты не подумал, что доставляешь Мне неудобства? — Император бросил взгляд на Хун Яо, а затем снова перевел его на Юэ Инъяна. Раз уж личность раскрыта, он не побоится сказать всё прямо!

Хун Яо, выйди. — Юэ Инъян чувствовал себя так, словно спорил с неразумным ребенком, которому невозможно ничего объяснить. Однако он понимал, что лучше увести Хун Яо, ведь кто знает, что еще взбредет в голову этому обезумевшему Императору!

Стоять! Я пришел сюда, чтобы она знала: Я запрещаю ей выходить замуж за Юэ Инъяна! — в этот раз Император намеренно выделил слово Мною. — Если она ослушается, это будет расценено как неповиновение императорскому указу! И тогда, генерал Юэ, не говори потом, что ты даже себя спасти не смог...

Император решил, что нашел верный подход: раз Юэ Инъян не подчиняется его воле, нужно действовать через других.

И действительно, едва услышав об императорском указе, Хун Яо впала в отчаяние. Чем она хуже других? Пусть её происхождение не знатно, но она изо всех сил старалась угодить Господину. Почему же Император... почему он так хочет разлучить её с ним? Она всего лишь женщина, ищущая опоры в своем мужчине, разве в этом есть преступление?

Нет, ты не виновата! Ты виновата лишь в том, что выбрала мужчину, которого ни при каких обстоятельствах нельзя было выбирать. — Холодный голос Императора звучал безжалостно. Оказалось, Хун Яо произнесла свои мысли вслух.

Вздрогнув, Хун Яо наконец подняла взгляд на Императора. Тот не стал её бранить, а лишь встретил её взгляд серьезными глазами.

Хун Яо! Уходи! — Юэ Инъян больше не мог на это смотреть. Если оставить их в одной комнате, Император до утра успеет до смерти напугать Хун Яо. Да и самого Юэ Инъяна сейчас охватывала такая ярость, что он был готов задохнуться от гнева!

В этот раз Император не стал препятствовать, но у Хун Яо уже не осталось сил, чтобы уйти самостоятельно.

Неужели так и есть? Неужели этот мужчина действительно не тот, кого она может выбрать в спутники жизни?

Увидев, что Юэ Инъян направился к ней, чтобы поддержать, Хун Яо внезапно отстранилась и сделала два шага к Императору.

Ваш указ направлен против меня, Хун Яо, или... против жены Юэ Инъяна? — спросила она. Ей было важно знать, к ней такое отношение потому, что она Хун Яо, или потому, что она вот-вот станет женой Юэ Инъяна.

Разве есть какая-то разница? — Император приподнял бровь, начав понимать, почему Юэ Инъян выбрал именно эту женщину.

Вот как... Неужели действительно нет разницы? — Хун Яо больше ничего не сказала и молча вышла из зала, не взглянув на Юэ Инъяна, смотревшего ей вслед с чувством вины.

Ваше Величество. — Как только двери зала закрылись, Юэ Инъян опустился перед Императором на колени. Он прополз на коленях через весь зал и, склонившись, распростерся ниц.

Юэ Инъян без всякого приказа и не заботясь о своем положении, глубоко поклонился, коснувшись лбом пола.

... — Император промолчал, глядя на Юэ Инъяна, чья голова была прижата к земле.

В первый раз ты так просил Меня о чем-то семь лет назад. Ты молил сохранить твоё достоинство и достоинство старого Клана Юэ. Я исполнил твою просьбу, получив твоё тело. Во второй раз ты просил позволения возглавить войска, и Я тоже согласился, в результате чего Я и Великая Святая Династия обрели отличного полководца. О чем же ты просишь Меня на этот

раз? — Да, у Юэ Инъяна всё еще был этот козырь — единственное, что заставляло его идти на компромисс, единственное, что заставляло Императора беспокоиться!

Я прошу Ваше Величество позволить мне оставить потомство для Клана Юэ. — Юэ Инъян не поднимал головы, но его голос прозвучал отчетливо.

Старый глава Клана Юэ, его отец, дождался сына лишь к пятидесяти годам. Единственного сына. Сейчас Юэ Инъяну уже двадцать восемь, а его отцу под восемьдесят. Пожилому человеку нелегко дожить до таких лет, и единственное, чего он ждал — это чтобы Юэ Инъян поскорее женился и подарил им внука. Разве мог он отказать старикам в их последнем желании?

К тому же, из трех видов несыновней почтительности отсутствие потомства — самое тяжкое... Он и так уже потерял лицо перед предками Клана Юэ, как же он мог допустить, чтобы род прервался на нем!

Я лишь прошу Ваше Величество вспомнить о том, что Клан Юэ из поколения в поколение хранил верность престолу! Позвольте мне оставить наследника! Разве он был недостаточно хорош как игрушка?

Хорошо, хорошо, хорошо! — услышав просьбу, которая приводила его в бешенство, Император процедил сквозь зубы три слова.

Какое еще потомство, какая преданность престолу! Ты просто хочешь жениться, не нужно искать столь дешевых оправданий! — всё дело было в том, что он не хотел отпускать ту женщину, верно? Если бы хотел оставить наследника, почему отвергал всех претендентов, приходивших свататься последние годы? А сегодня вдруг решил прикрыться отсутствием детей.

Это всё из-за той грязной девки из борделя, она наверняка приворожила его какими-то лисьими чарами, так что он потерял голову!

Я не ищу оправданий. Неужели вы хотите, чтобы я ходил по борделям и совокуплялся с женщинами на стороне? — Император не заботится о чести и достоинстве, так неужели он хочет, чтобы и его подданные забыли о них? Нынешняя ситуация — лишь результат капризов самого Императора! Но он стоит перед ним, выкрикивает обвинения и перекладывает всю вину на него! Юэ Инъян наконец поднял голову, выпрямил спину и, глядя Императору в глаза, дерзко ответил:

Вы зарвались!

Оказывается, ты тоже захотел женщин! Что, надоело быть подстилкой у Меня, захотелось самому попробовать, каково это — быть сверху? Предупреждаю: если застукаю тебя с кем-то на стороне — пощады не жди! Как Я и говорил тогда: все двести тридцать семь человек твоего клана пойдут с тобой в могилу! За каждую женщину буду казнить по десять человек! Буду

убивать, пока не вырежу весь твой Клан Юэ, всех на этой улице! И в этом Вэйчэне! И даже тех чиновников, кто хоть раз заговорил с тобой — Я никого не пощажу!

Император чувствовал, как остатки его разума рухнули в тот момент, когда Юэ Инъян произнес слово совокупляться... Он продолжал изрыгать проклятия, пытаясь заглянуть Юэ Инъяну в душу и увидеть, какой мусор там скопился. Неужели тот не видит, как он ему дорог? А он думает только о том, чтобы завести детей с какой-то ничтожной девкой... Поэтому Император припомнил угрозу семилетней давности. Если он не хочет принимать его искренних чувств, пусть примет угрозы.

Хлесь! Звук звонкой пощечины эхом разнесся по пустому залу.

Ты... ты посмел ударить Меня... — Император прикрыл рукой распухшую щеку, в которую Юэ Инъян вложил всю силу, не сдерживаясь. Слова застряли где-то между горлом и сердцем.

Юэ Инъян впервые поднял на него руку!

Хлесь, хлесь, хлесь, хлесь... — словно желая что-то доказать, Юэ Инъян методично наносил пощечины одну за другой. Поначалу Император оцепенел, принимая удары, но затем, словно очнувшись, попытался защититься руками. Юэ Инъян отшвырнул его руки и продолжил.

Иди и убивай! Зачем нам достоинство и человечность! Мы будем только ждать, когда ты, великий Император, всех нас перебьешь и порадуешься! Убивай! Что такое Клан Юэ? Что такое я, Юэ Инъян? А эта слабая женщина и вовсе гроша ломаного не стоит! Убивай своих подданных из рода Сыту! Разорь свою Великую Святую Династию! — Юэ Инъян был вне себя от ярости. Он и представить не мог, что своими многолетними уступками вырастил настоящего тирана!

Ошибка была в нем! Он слишком долго относился к нему как к ребенку! Как он мог надеяться, что капризный Император когда-нибудь станет мудрым правителем, правящим с человеколюбием? Это вина многих из них — их потакание исказило характер Императора до такой степени!

...Ты ударил Меня... — Юэ Инъян, чьи руки уже устали, остановился, но всё еще слышал, как Император бормочет одно и то же.

Ты ударил Меня! — Император, до этого момента остававшийся неподвижным, внезапно пришел в движение и с диким криком бросился на Юэ Инъяна!

Он молотил кулаками, не заботясь ни о технике боя, ни о своем достоинстве, ни о величии — он просто бил так, как ему хотелось! Юэ Инъян, будучи учителем Императора, знал все его приемы, но сейчас, сбитый с толку хаотичными ударами, он начал терять преимущество. Опоздав на мгновение, он отразил три удара ногой, но пропустил мощный удар в живот.

Проведя бурную ночь с Императором, Юэ Инъян чувствовал, что его тело и так не на пике формы, а после этого удара у него онемела половина тела. В душе его что-то оборвалось. Вспомнив, как Император обычно обходится с ним, Юэ Инъян позволил прорваться наружу той жестокости, которую он скрывал, когда находился при дворе, и той, что проявлял в пылу битвы.

Вскоре их ссора переросла в настоящий поединок двух мастеров. Столы, стулья, чашки — всё было разбито, зал выглядел так, словно по нему пронеслось стадо разбойников.

Ты ударил Меня! Ты был бы счастлив, если бы убил Меня, не так ли!

Император только что отразил ладонь Юэ Инъяна, но не успел развернуться, как сзади полетел кулак. Юэ Инъян использовал левую ладонь как приманку, а основным ударом был правый кулак.

Да! Что бы ты ни сказал — всё так!

Император увернулся от кулака и контратаковал ногой. Юэ Инъян хотел было подхватить ногу, но почувствовал, что в ударе была хитрость — сила была сдержана. Он понял: если подпустит его ближе, тот засыплет его градом ударов, и ему снова придется только защищаться. Не раздумывая, Юэ Инъян принял устойчивую стойку, задержал дыхание и нанес точный удар, отразив атаку ноги и не давая приблизиться.

Ты... ты идешь против Меня ради этой лисицы! — он так сильно защищается! Полностью держит его на безопасной дистанции!

Разве ради неё? Я сегодня уже ударил тебя, хочешь мою голову — заведи её сам! — на самом деле, это Императору просто не нравилось, что Юэ Инъян делает что-то помимо его воли. К чему прикрываться женщиной, когда можно напасть прямо на него, Юэ Инъяна? Разве он станет прятаться?

А как же Я! Ты хоть раз подумал обо Мне? Я запрещаю тебе завтра жениться! — он только решил, что теперь, когда всё стало серьезно, они смогут построить настоящие отношения, а тот заявляет о свадьбе!

Это не тебе решать! — одновременно с этим Юэ Инъян оттолкнул левый кулак Императора, нацеленный в плечо, и нанес удар ладонью прямо в грудь.

Император пошатнулся и отступил. Он схватился за грудь, лицо его стало белым как смерть — казалось, он до сих пор не верит, что Юэ Инъян когда-нибудь поднимет на него руку.

Ваше... — когда рука Юэ Инъяна действительно коснулась груди Императора, он наконец пришел в себя и понял, что натворил. Он хотел было протянуть руку, чтобы поддержать его, но

было уже поздно. Он лишь смог выдавить из себя лишь начало обращения.

Вот она — твоя верность... Неужели для тебя я даже хуже, чем какая-то женщина? — Император шел прямо на Юэ Инъяна, но тот не стал его останавливать. Лишь когда Император подошел совсем близко, Юэ Инъян заметил, что его лицо блестит от слез.

Ах... я... — Юэ Инъян несколько раз открыл рот, но не смог произнести ни слова. Что он мог сказать? Да и что тут скажешь? Почему Император плачет перед ним?.. Он не хотел думать об этом, не хотел ничего знать! Он просто хотел, чтобы всё это поскорее закончилось, хотел вернуться на поле боя! Только там он мог быть свободен от этих тревог...

Тебе нужна женщина? Разве Я не сойду? Разве Я не сойду! — Императору внезапно пришла в голову мысль. Разве ему не нужны объятия? Если он даст ему это, то и другие женщины будут не нужны... Ха-ха, почему он раньше до этого не додумался!

Ты сошел с ума, просто сошел с ума... — Юэ Инъян похолодел, глядя, как Император, приближаясь, начал расстегивать пуговицы на своем халате. Тот определенно обезумел, раз придумал такой безумный план!

Иди сюда! Ты же хотел женщину! Я дам тебе то, что тебе нужно! — но от волнения его руки дрожали, и он никак не мог расстегнуть тугие пуговицы. В конце концов, он рванул их со всей силы, и халат с треском распахнулся, полы ткани упали на пол.

Зачем же ты меня принуждаешь... — прекрасно зная, что перед ним Сын Неба, как он мог в порыве гнева совершить подобное святотатство? Тем более что его свадьба совсем не то, что себе вообразил Император. Если бы ему нужно было просто сбросить напряжение, в Вэйчэне полно борделей, где ему всегда рады. Но Император зачем-то приплел сюда его женитьбу. Как это назвать — необоснованное упрямство или крайний эгоцентризм? Он думает только о себе, совсем не заботясь о том, каково другим.

Да, Я принуждаю тебя! Если ты не обнимешь Меня сегодня, ты не мужчина! — Император прижал Юэ Инъяна к стене, обнял за талию и прижался всем телом к его более широкой груди. При этом его язык продолжал быть таким острым, что его хотелось ударить.

Ты действительно хочешь, чтобы Клан Юэ пресекся? — его не заботило, из каких соображений действует Император, но последствия расхлебывать ему, Юэ Инъяну! Если он сделает так, как хочет Император, как потом не возненавидеть его всей душой?

Юэ Инъян! Даже если Клан Юэ пресекся, ты останешься со Мной! — Император поднял лицо, и на нем сияла улыбка, как у ребенка. Именно так улыбался маленький принц, когда в пятнадцать лет впервые упросил Юэ Инъяна научить его боевым искусствам.

Хорошо! Сыту Гунхун, не вини меня потом, что я тебя возненавидел! — Юэ Инъян впервые назвал Императора по имени. Оказывается, у него было имя, и, произнося его, Юэ Инъян

чувствовал, что говорит не с тронном, не с воплощением власти!

Ненавидь! Мне достаточно того, что в твоём сердце нет никого, кроме Меня, что оно наполнено чувствами ко Мне. Разве это не своего рода победа? — Император в одном тонком исподнем дрожал от холода поздней осени.

А когда Император склонил голову и слегка прикусил его за шею, Юэ Инъян обнаружил, что в нём действительно проснулось желание! По отношению к тому, кого он только что собирался возненавидеть!

Ты сам напросился! — Юэ Инъян не ожидал, что Император скажет такое и зайдёт так далеко. Если он не возьмёт его сейчас, тот ещё решит, что Юэ Инъян привык быть снизу! Гнев, смешавшийся с закипающей в жилах кровью, требовал одного: чтобы этот Император, даже если он решил взять на себя роль принимающего, умолял о пощаде.

Я сам напросился, так давай же! — Император продолжал дразнить его провокационными словами.

Ты сам во всем виноват! — он думал, что за эти годы всё было лишь удовольствием? Только тупоголовый Император мог так решить. Сегодня он покажет ему, насколько унижительно быть снизу.

Юэ Инъян развернул Императора, прижал его спиной к стене и грубо сорвал с них одежду...

...

Страсть Юэ Инъяна ещё пульсировала внутри него, словно ему было мало. Император чувствовал, что мысли вновь покинули его. Единственное, что имело значение — это место их слияния, он всем существом чувствовал каждый такт Юэ Инъяна.

Поэтому они оба молчали, не двигались и больше не спорили.

...Ты можешь встать? — Юэ Инъян отстранился, его голос после разрядки звучал хрипло и низко. Император вспомнил, как Юэ Инъян выглядел в его объятиях — в этом было какое-то особое очарование.

Боюсь, что... — наслаждение отхлынуло, и когда Юэ Инъян вышел, внизу всё снова пронзило острой болью. Да и горло горело так, что говорить было невозможно. Услышав свой голос, Император решил вовсе промолчать.

Подожди, я принесу воды. — голос Императора испугал Юэ Инъяна, но, подумав, он понял: странно было бы, если бы тот мог нормально говорить. Юэ Инъян подобрал с пола уцелевший халат, накинул его и собрался выйти.

Не уходи. — Император тут же схватил его за полу. Он мог обойтись без воды, но не мог допустить, чтобы Юэ Инъян ушел.

Тогда я отнесу тебя на стол, не лежать же на полу. — все стулья в зале были разнесены в щепки в ходе их грандиозной драки, уцелел лишь один стол в самом углу. Но одно дело сказать, другое — поднять взрослого мужчину такого же телосложения. К счастью, Юэ Инъян не был обычным человеком, он прошел через битвы и боевые искусства, поэтому, подхватив Императора под спину и колени, он легко поднял его.

Осторожно уложив Императора на стол, Юэ Инъян подумал, что нужно укрыть его одеждой, но стоило ему потянуться, как Император снова ухватился за его рукав.

Юэ Инъян остановился и обернулся, с недоумением глядя на ожидающее лицо Императора.

Ты ведь не женишься завтра, правда?

<http://bllate.org/book/21138/2144060>